

«Элитарная языковая личность»
и бранная лексика
(на примере идиолекта Ф.М. Достоевского)

© И.В. РУЖИЦКИЙ

доктор филологических наук

© Е.В. ПОТЕМКИНА

кандидат педагогических наук

В статье рассматриваются конституирующие признаки так называемой «элитарной языковой личности», к которым относится соблюдение норм литературного языка, умение создавать сложный текст, владение всеми функциональными стилями, способность к диалогу и др. Показывается относительность этих параметров. В качестве примера анализируются некоторые особенности языковой личности Ф.М. Достоевского, прежде всего относящиеся к использованию писателем в художественной прозе лексики, выполняющей бранную функцию. Делается заключение о строгой избирательности в использовании бранной лексики, мотивированной задачей создания конкретного художественного образа. Расширяется диапазон функций бранной лексики. Высказывается предположение о том, что одним из ключевых параметров элитарной языковой личности

является не отсутствие в речи бранных слов, но способность к осознанному, рефлексивному, и мотивированному их употреблению.

Ключевые слова: элитарная языковая личность, бранная лексика, идиолект, Достоевский.

DOI: 10.31857/S013161170003003-2

The article considers the constitutive features of so-called «elite linguistic identity», which include the compliance with literary language standards, the ability to create a complex text, all language functional styles proficiency, the ability to dialogue, etc. The relativity of these parameters is shown. As an example, some features of Fyodor M. Dostoevsky linguistic identity are analyzed, primarily related to the abusive vocabulary use in fiction. The conclusion is made about the strict selectivity in the use of abusive words, motivated by the creating a specific artistic image task. The range of abusive words functions is broaden. An assumption is made that one of the elite linguistic identity key parameters is not the absence of abusive words in speech but the ability to consciously, reflexively, and motivated their use.

Key words: elite linguistic identity, abusive vocabulary, idiolect, Dostoevsky.

Как только вышла в свет книга Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», в лингвистике, в основном отечественной, начался настоящий терминологический бум, вызванный желанием многих ученых, подчас необъяснимым, расширить терминологическую парадигму, ядром которой явилось бы понятие языковой личности. Так появились «коммуникативная личность», «речевая личность», «орфографическая личность», «вторичная языковая личность», «полифункциональная языковая личность», «элитарная языковая личность» и др. В статье речь пойдет об элитарной языковой личности, хотя правомерность этого сочетания и вызывает некоторые сомнения. «Элитарными», то есть ‘лучшими, отборными, избранными’, могут быть семена или растения. Только с начала XIX века слово «элита» стало использоваться по отношению к высшим социальным группам в системе общественной иерархии. Даже такие сочетания, как «деловая элита» и «политическая элита», ласкают слух разве что только самим представителям этих «элит».

Тем не менее постараемся определить содержание данного квази-термина — «элитарная языковая личность», которое можно извлечь из многочисленных работ, посвященных в основном тому, что традиционно всегда называлось «речевая культура»: «Большими лингводидактическими и культурологическими возможностями <...> обладает исследование языковой личности носителя элитарной речевой культуры, или элитарной языковой личности, — своего рода образца для представителей языкового коллектива в области владения языком и использования его ресурсов в общении, признающемся успешным в данной ситуации»

[1. С. 402]. Конституирующими признаками элитарной языковой личности при этом принимают следующие: (1) владение всеми литературными нормами русского языка, отступление от нормы используется намеренно, как языковая игра [см. 2. С. 67]; (2) способность порождать и понимать тексты разной сложности; «элитарная языковая личность, опираясь на прецедентные тексты культуры, сама способна порождать тексты, которые окажутся культурно значимыми для современников и потомков» [Там же. С. 68]; (3) владение «всеми функциональными стилями литературного языка», свободный переход «с одного на другой в зависимости от условий и целей общения, при этом строго разграничивая устную и письменную формы речи» [3. С. 80]; (4) способность порождать «дискурсы, воспринимаемые большими аудиториями, большим количеством людей», поэтому «владение навыками воздействия, убеждения, привлечения внимания, харизматическими чертами поведения» [2. С. 68]; (5) владение «эффективными стратегиями и тактиками в различных видах коммуникации; <...> элитарная языковая личность приветствует обсуждение разногласий, допускает различные точки зрения, не навязывает свою позицию, но пытается как можно полнее и доступнее ее раскрыть» [Там же]; (6) «носитель элитарной речевой культуры — это понятие не только языковой компетенции, но и нравственности, миропонимания, духовности, творческой природы личности — всего того, что является свойствами интеллигента» [4; цит. по: 2. С. 68]; (7) «принадлежность к элитарному типу речевой культуры означает наличие у носителя данного типа целого ряда психологических навыков: выработанность навыков самоконтроля, отсутствие самоуверенности, уважение к собеседнику, вообще к людям, тяга к знаниям» [5; цит. по: 2. С. 68].

Условность приведенных выше параметров элитарной языковой личности, на наш взгляд, очевидна:

(1) Владеть всеми литературными нормами в принципе невозможно, особенно если принять во внимание относительность самого понятия «норма», ее подвижность и т. д. Ошибки, погрешности, небрежности и т. п. в той или иной мере встречаются в речи любого человека [см. 6]. Что же касается способности и готовности к языковой игре в широком ее понимании, то это, по всей видимости, является обязательной особенностью развитой языковой личности. Так же как и «полистилевая манера речи», она не просто «допускается в элитарной речевой культуре» [7], но развитая языковая личность должна обладать такой способностью — рефлексией над стилем и сознательным смешением стилей в речи.

(2) Понятие «сложность текста» тоже весьма относительно, к тому же непонимание кем-то какого-то текста вряд ли всегда означает, что этот человек не обладает развитой языковой культурой. Более того, «сложность текста» в определенных коммуникативных ситуациях окажется неуместной, то есть, наоборот, умение использовать простой текст покажет степень развития

языковой личности. Еще более абстрактным и труднообъяснимым представляется «культурная значимость текста для современников и потомков».

(3) Владеть всеми функциональными стилями вряд ли возможно, однако развитая языковая личность способна при необходимости овладеть ими. Лингвист, который в стремлении доказать свою «полифункциональность» пытается заниматься литературным творчеством, часто вызывает лишь сожаление, и наоборот, писатель, рассуждающий о каких-то языковых явлениях, представляется очень наивным.

(4) Данный параметр вступает в оксюморонные отношения с понятием элитарности, а «харизматические черты поведения», характеризующие личность вообще, могут быть никак не связаны с личностью языковой, примеров чему множество — в политическом и других дискурсах. И, конечно, размер аудитории оратора часто никак напрямую не соотносится с его речевой культурой.

(5) С этим параметром «элитарной языковой личности» сложно не согласиться, но с одним маленьким дополнением — не только способность к диалогу и его предпочтение, но и умение в определенной ситуации не вступать в диалог, то есть не только речевая способность, но и молчание, паузы становятся значимыми.

(6) Естественно, безнравственную личность сложно назвать «элитарной», хотя это часто и происходит; все дело в том, что в каждом конкретном случае понимать под нравственным и безнравственным. И, конечно, понятие нравственности напрямую никак не связано с развитостью у личности той или иной языковой компетенции.

(7) Все это, так же как и в (6), черты личности вообще.

Таким образом, понятие элитарной языковой личности представляется весьма условным и аморфным, это некий абстрактный конструкт, созданный под влиянием моды на термин «языковая личность». Проще сказать о том, чем «элитарная языковая личность» не является, а точнее — что не должно быть свойственно человеку, обладающему элитарной речевой культурой, однако и здесь возникают определенные сложности, одна из которых связана с возможным использованием в речи бранной лексики. С этой точки зрения рассмотрим в качестве примера особенности языковой личности Ф.М. Достоевского, которую часто считают столь противоречивой, что ее «элитарность» можно поставить под сомнение. Если говорить об особенностях авторского стиля, то большинство исследователей сосредоточивается на трудности восприятия текстов писателя, связанных с достаточно сложным синтаксисом, частым использованием непонятных или малопонятных слов, нарушением закона семантического согласования, многочисленными повторами и т. д. Все это часто оценивается критиками как стилистические погрешности.

Такое «небрежение» словом у Достоевского часто является осознанным, на что одним из первых обратил внимание Д.С. Лихачев [6], полагая,

что нарушение стилистических норм у писателя выполняет вполне определенную функцию — создание неожиданной и чаще всего «неудобной» для понимания ситуации. Сталкиваясь с неточными и двусмысленными формулировками Достоевского, читатель невольно самостоятельно достраивает текст, и тем самым происходит очень эффективное, никем ранее в русской литературе не использованное, втягивание его в рефлексивный процесс. Рассматривая с этой точки зрения использование Достоевским бранной лексики, мы пришли к заключению о том, что и в этом случае имеет место строгая избирательность, мотивированная задачей создания конкретного художественного образа, а иногда и типа языковой личности персонажа.

Приведем алфавитный список обнаруженных нами в художественной прозе Достоевского слов и словосочетаний, которые могут использоваться в бранной функции. Этот список вряд ли можно считать исчерпывающим, но он в достаточной степени репрезентативен:

балбесина, балясина, баран, бараний лоб, барчонок, басурман, безобразный человек, бесстыдник, бестия, бирюлина корова, болван, варвары, варнак, вахлак, ведьма, верхоплас, висельник, вольнодумец, выжига, вышвырка, лупоглазая гадина, гвоздырь, гнида ты эдакая, голландская рожа, голова, греховодник, дармод, деспот, дрян, дура, дурак, дуралей, дурочка, дурачок, дурында, душегубец, ехидна, жид, жид пархатый, злодей/злодейка, змей гремучий, змея, идиот, идол проклятый, изверг, каблук, кадушка, канал, книга писаная, князь, колбаса, колбасник, колбасница, колодник, колпаки, кошон, кровопивца, крючок судейский, лайдак, лизоблюд, лизун, лохматая, лохмотник, маклак, маска привозная, мерзавец, мерзавцы-безобразники, монумент, мразь, мудрец, негодник, негодный, негодяй, нигилист, нигилистка, нюня, облизьяна зеленая, обтирка сапога, обшмыга, окаянный, олух, осел, ослы, остолоп, парх, паршивик, паршивка, пашенок, пентюх, пескар, пехтер, пес, петля эдакая, пиявка, плут, подлец, подлая ты прусская куриная нога в кринолине, полишинель, поросенок, посконная голова, потаскун, проклятый, пупырь, разбойник, ракаля анафемская, распутница, рожа, свинья, сволочь, семя крапивное, скот, слюняй, сопля, сопляк, срамец, смрадная букашка, стерва, сын, тать окаянный, твар, телескоп, тряпка, туз, тузовый, тунядец, тупица, ублюдки, упорная сатана, ученый, фанфарон, фигляр, физик, франтиха, фря, фурий, фурия, халдей, хамлет, пьяная харя, пьяный черт, цыганка, чума бендерская, чумичка, чучела, шваль, шельма, шельмец, шенпан, шлепохвостница, шлюха, шпага французская, шут, шушера, язвасибирская, язевый лоб, язычник.

Остановимся на некоторых случаях употребления слов в бранной функции, когда их выбор писателем строго детерминирован и связан с текстом концептуально, что раскрывается через семантику самого бранного слова.

В «Преступлении и наказании» Раскольникова (и больше никого у Достоевского) называют «выжигой»:

«— Выжига! — крикнула баба. — Да чего с ним толковать, — крикнул другой дворник, огромный мужик, в армяке нараспашку и с ключами за поясом. — Пшол!.. И впрямь выжига... Пшол! <...> — Нечего связываться, — решил большой дворник. — Как есть выжига! Сам на то лезет, известно, а свяжись, не развяжешься... Знаем!» [8. Т. 6. С. 135].

«Выжига» в словаре В.И. Даля — ‘ухорез, пройдоха, опытный и бывалый мошенник’, изначально — человек, разграблявший могилы чиновников ради расшитых золотом мундиров, то есть добывающий золото путем сжигания украденной или даже снятой с трупа одежды. Таким образом, в контексте преступления Раскольникова происходит совмещение этимологического значения этого слова и его употребления в бранной функции.

Особую метатекстовую, то есть тесным образом соотносимую с ситуацией общения, функцию выполняет в романе «Преступление и наказание» слово «подлец»:

«[Мармеладов] Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает!» — Он задумался. — Ну а коли я соврал, — воскликнул он вдруг невольно, — коли действительно не подлец человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное все — предрас судки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..» [Там же. С. 25]; «[Раскольников] “Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это под лецом называет”, — прибавил он через минуту» [Там же. С. 123]; «[Порфирий Петрович Раскольникову] Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец. Совсем не такой подлец!» [Там же. С. 351]; «[Раскольников] О, я знал, что я подлец, когда я сегодня, на рассвете, стоял над Невой!» [Там же. С. 401].

Скрытое этимологическое значение этого слова — ‘человек из просто-народья’, то есть ‘подчиняющийся’, имплицитно присутствует и в этом случае. В собственно бранном, оскорбляющем другого, значении «подлец» в «Преступлении и наказании» не используется, чего нельзя сказать о других текстах писателя (всего слово «подлец» в текстах полного собрания произведений Достоевского употребляется 396 раз: 347 в художественной прозе, 17 — в публицистике, 32 — в письмах).

В «Подростке» Аркадием Долгоруким осмысляется «роковое словцо» «безобразный», которое само по себе не является бранным, но входит в одно словообразовательное гнездо с «безобразник» и используется в тексте романа в составе сложного слова «мерзавцы-безобразники»:

«[Макар Иванович] Безбожника-то я совсем не встречал ни разу, а встречал заместо его суетливого — вот как лучше объявить его надо. Всякие это люди; не сообразишь, какие люди; и большие и малые, и глупые

и ученые, и даже из самого простого звания бывают, и все суета. <...> благообразия не имеют, даже не хотят сего; все погибли, и только каждый хвалит свою гибель, а обратиться к единой истине не помыслит; а жить без бога — одна лишь мука. <...> Идолопоклонники это все, а не безбожники, вот как объявить их следует» [Т. 13. С. 303]; «[Аркадий Долгорукий] Макар Иванович, вы опять употребили слово «благообразие», а я как раз вчера и все дни этим словом мучился... да и всю жизнь мою мучился, только прежде не знал о чем. Это совпадение слов я считаю роковым, почти чудесным... Объявляю это в вашем присутствии... <...> Для меня, господа, — возвысил я еще пуще голос, — для меня видеть вас всех подле этого младенца (я указал на Макара) — есть безобразие» [Там же. С. 305]; «[Татьяна Павловна Аркадию] Э, убирайся, шут! Сам-то небось тоже, как воробей, влюблен — отец [Версиков] с сыном в один предмет! Фу, безобразники!» [Там же. С. 394]; «[Татьяна Павловна Аркадию] Ах, пашенок! Так это письмо в самом деле у тебя было зашито, и зашивала дура Марья Ивановна! Ах вы, мерзавцы-безобразники! Так ты с тем, чтоб покорять сердца, сюда ехал, высший свет побеждать, Черту Ивановичу отметить за то, что побочный сын, захотел?» [Там же. С. 433]

Бранная функция слова «безобразник» в романе «Подросток» совмещается со значением 'человек, потерявший благообразие', то есть человеческий облик. Такое же совмещение значений слова «безобразник» мы находим в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах» и «Дневнике писателя».

Еще одно характерное бранное слово, которое мы часто встречаем не только у Достоевского (исключительно в художественной прозе), но и, например, у Лескова, — «сволочь». При этом во всех случаях слово «сволочь» у Достоевского имеет собирательное значение (*медицинская сволочь, вся эта сволочь, вся сволочь и шушера, рулеточная сволочь* и т. п.), частично раскрывающееся в речи Хроникера из «Бесов»:

«<...> В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых «передовых» говорю <...> Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается. <...> Какие-то Лямшины, Телятниковы, помещики Тентетниковы, доморощенные сопляки Радишевы, скорбно, но надменно улыбающиеся жидашки, хохотуны заезжие путешественники, поэты с направлением из столицы, поэты взамен направления и таланта в поддевках и смазных

сапогах, майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностью своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу; генералы, перебежавшие в адвокаты; развитые посредники, развивающиеся купчики, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос <...> Уж если Варвара Петровна, до самой катастрофы с ее сынком, состояла чуть не на посылках у всей этой сволочи, то другим из наших Минерв отчасти и простительна их тогдашняя одурь» [Т. 10. С. 354].

В Словаре В.И. Даля «сволочь» — ‘дрянной люд, шатуны, воришки, негодяи, где-либо сошедшиеся’; у Достоевского — ‘собирающиеся в смутное время вместе люди, совершающие или готовые совершить подлые поступки’.

Помимо строгой обусловленности использования бранной лексики авторскими интенциями, такого же рода детерминированность мы видим во взаимосвязи сквернословия с типологическими чертами персонажей Достоевского, принимая также во внимание личность адресата, на которого направлена брань. Выделим основные типы персонажей, использующих у Достоевского бранную лексику.

1. Разорившиеся (обедневшие) помещики или чиновники, обращающиеся чаще всего к своим слугам или родственникам:

«[Голядкин Петрушке] Болван! Не можешь сказать принесли-с» [Т. 1. С. 111]; «[Фома Фомич Фалалею] Поди сюда, поди сюда, нелепая душа, поди сюда, идиот, румяная ты рожа!..» [Т. 3. С. 61]; «[Марья Александровна о Никитке] У меня есть предчувствие, что этот изверг Никитка непременно испортит обед! Я уверена, что он уже пьян... | <...> вместо того чтоб идти присмотреть за извергом Никиткой, Настасья Петровна проходит в зал» [Т. 2. С. 319].

Бранная лексика здесь и в подобных случаях употребляется, с одной стороны, для номинации лица, то есть как собственно оскорбление, с другой стороны, намеренное повторение бранных слов по отношению к одному и тому же адресату эксплицирует и другую их функцию — ярлыка. Чаще всего такое словоупотребление встречается в речи персонажей-самодуров, создающих посредством многочисленных ругательств вокруг себя некоторую эпатажность.

2. Речь арестантов и их надсмотрщиков в «Записках из Мертвого дома», а также Федьки Каторжного:

«— Подлец ты, а не каган!» [Т. 4. С. 24]; «— Подлец! — Варнак! — И пошла опять ругань, еще больше, чем до потчеванья» [Там же. С. 113].

3. Речь однозначно отрицательных персонажей, «персонажей-хищников», например Петра Верховенского:

«Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, — вот чего надо!» [Т. 10. С. 325]; «Я с

вечера выдаю деньги, с тем чтоб он и сестрица завтра чем свет отправлялись; поручаю это дельце подлецу Липутину, чтобы сам посадил и отправил. Но мерзавцу Липутину понадобилось сошкольничать с публикой <...>» [Там же. С. 403]

Анализ речи персонажей-арестантов и «персонажей-хищников», к которым можно, помимо Петра Верховенского, отнести также Валковского, Лужина и некоторых других, показывает, что в обоих случаях количество употребляемых ими бранных слов, по сравнению с первой группой персонажей (Фома Фомич, Голядкин, Марья Александровна и т. п.), намного меньше. Если в речи Верховенского бранная лексика и используется, то чаще всего это происходит осознанно, как часть заранее подготовленной, выверенной реплики. В речи Лужина и Валковского бранные слова и вовсе отсутствуют.

Логично было бы предположить, что наибольшее количество бранных слов будет в речи арестантов, каторжников, однако у Достоевского все ровно наоборот. Арестанты — «диалектики-ругатели» — не злоупотребляют бранной лексикой, но используют их дозированно и строго мотивировано: «Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у них в науку; старались взять не столько обидным словом, сколько обидным смыслом, духом, идеей — а это утонченнее, ядовитее» [Т. 4. С. 13], тогда как их надсмотрщики, напротив, чаще перестают себя контролировать. О них соответствующим образом отзывается и сам Достоевский в письме М.М. Достоевскому о плац-майоре Кривцове: «Каналья, каких мало, великий варвар, сутяга, пьяница, все, что только можно представить отвратительного» [Т. 28. Кн. 1. С. 170].

4. Речь героев, находящихся в возбужденном, неконтролируемом эмоциональном состоянии:

«[Голядкин] Ах ты голова, голова! ведь и утерпеть-то не можешь ты, чтоб не провраться, как мальчишка какой-нибудь, канцелярист какой-нибудь, как бесчиновная дрянь какая-нибудь, тряпка, ветошка гнилая какая-нибудь, сплетник ты этакой, баба ты этакая!.. Святые вы мои! И стишки, шельмец, написал и в любви ко мне изъяснился! Как бы этак, того... Как бы ему, шельмecu, приличнее на дверь указать, коли воротится?» [Т. 1. С. 160]; «[Лембке] Негодай! — крикнул он, указывая на Лямшина. — Схватить мерзавца, обернуть... обернуть его ногами... головой... чтоб голова вверх... вверх! <...> Выгнать всех мерзавцев, которые смеются!» [Т. 10. С. 391].

5. Ругательства, обращенные персонажами на самих себя:

«[Егор Ильич] Ну, да ведь она [Агафья Тимофеевна], братец, *grande dame*, генеральша! добрейшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему эдакому утонченному... не чета мне, вахлаку!» [Т. 3. С. 11]; «[Антонида Васильевна] Экая дура! экая дурында! Старая ты, старая дурында!» [Т. 5. С. 277]; «[С.Т. Верховенский Софье Матвеевне] Я негодай! О, я всю жизнь

был бесчестен <...> Я вам давеча все налгал, — для славы, для роскоши, из праздности, — все, все до последнего слова, о негодай, негодай!» [Т. 10. С. 496].

6. Оскорбление какого-либо лица во внутреннем монологе персонажа:

«Кто живет дольше сорока лет, — отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодаи живут» [Т. 5. С. 100]; «[Раскольников] Вот они снуют все по улице взад и вперед, и ведь всякий-то из них подлец и разбойник уже по натуре своей; хуже того — идиот!» [Т. 6. С. 401]; «[Хроникер о Лямшине] У мерзавца действительно был талант. Степан Трофимович уверял меня однажды, что самые высокие художественные таланты могут быть ужаснейшими мерзавцами и что одно другому не мешает. <...> Этот негодай, который несколько лет вертелся пред Степаном Трофимовичем, представляя на его вечеринках, по востребованию, разных жидков, исповедь глухой бабы или родины ребенка <...>. Я не заговорил бы об этом мерзавце особливо, и не стоил бы он того, чтобы на нем останавливаться; но тут произошла одна возмущающая история, в которой он, как уверяют, тоже участвовал <...>» [Т. 10. С. 252].

Рассмотренные случаи показывают, что бранная лексика у Достоевского далеко не всегда направлена на оскорбление кого-либо, что является ее прямой функцией, она также часто или выступает в роли аффективов, приобретая междометный характер, или, наоборот, употребляется осознанно и взвешенно, как, например, в абсолютно размеренной, правильно оформленной речи Федьки-Каторжника. Другими словами, экзальтированная, взволнованная речь не обязательно волнует, а неэмоциональная речь может возбудить у слушателя эмоции, что в очередной раз говорит о способности Достоевского соединять несхожее по форме, стилю и значению для создания феноменального, то есть трудно постигаемого смысла.

Диапазон функций бранной лексики, таким образом, может существенно расширяться: кроме интенции оскорбить мотивацией является вуалирование, сокрытие смысла; в некотором роде противоположная функция — парольность, снятие оппозиции свой/чужой; бранные слова часто используются для заполнения пауз в речи; говорящий, например интеллигент или интеллектуал, публично употребляет табуированное бранное слово для того, чтобы произвести впечатление или показать свою независимость от существующих норм, и т. д. Можно предположить, что одним из ключевых параметров элитарной языковой личности, если воспользоваться этим устоявшимся штампом, является не отсутствие в речи бранных слов, но способность к осознанному, рефлексивному, и мотивированному их употреблению. Что, впрочем, можно сказать об употреблении вообще любого слова.

Литература

1. Салимова Л.М. Элитарная языковая личность и проблемы интертекстуальности // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 4. С. 402–407.
2. Лаппо М.А. Кого можно назвать носителем элитарной речевой культуры? // *Русская речь*. 2014. № 4. С. 67–72.
3. Сиротинина О.Б. Риторическая грамотность как составляющая речевой и общей культуры человека // *Известия Саратовского ун-та*. 2003. Т. 3. Вып. 2. С. 80–83.
4. Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., Саратов, 2005.
5. Сиротинина О.Б. Элитарная речевая культура и хорошая речь // *Хорошая речь: Коллективная монография* / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001. С. 222–228.
6. Лихачев Д.С. «Небрежение словом» у Достоевского // *Достоевский: Материалы и исследования*. Л., 1976. Т. 2. С. 30–41.
7. Дымарский М.Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // *Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы*. Вып. 4. Сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 173–186.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 1, 2, 3, 5, 6, 10, 13, 28 (кн. 1).

МГУ им. М.В. Ломоносова